

Креативность (с большой буквы) возвышает и раз за разом подтверждает подлинно человеческое в человеке. С одной стороны, как показывает история, в те эпохи, когда культура человечности расцветает, возникают необходимые основания для развития креативности и ее мощных «всплесков». С другой – если закрываются возможности творчества, то сворачиваются пространства жизни, отмирают тонкие структуры человечности, «цветы духа – каменеют».

Литература

1. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М., 1997.
2. Нордстрем К. Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. М., 2007.
3. Пономарева А. М. Теория и методология креатива в системе коммуникационного маркетинга: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ростов н/Д, 2009.
4. Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Образование и наука. Изв. УрО РАО. № 5 (73). 2010. С. 3–14.
5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее, М.: Классика – XXI, 2007.
6. Хомяков Д. С. Формирование креативности подростков и старших школьников средствами арт-терапии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

УДК 316.733

В. П. Лукьянин

КАКОЕ ОБЩЕСТВО СТРОИТ РОССИЯ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Автор статьи размышляет об итогах социальных и экономических преобразований, проводившихся в России в течение двух последних десятилетий. Анализируется ситуация, которая сложилась в стране в настоящее время, психологическая атмосфера в обществе и мироощущение отдельно взятого человека, которое определяется, с одной стороны, заметно укрепившимся материальным благополучием, с другой – неудовлетворенностью жизнью, надвигающейся духовной пустотой, чувством одиночества в толпе, невозможностью самому влиять на собственную судьбу. Представлены три наиболее распространенные версии ответа на вопрос, какое общество строит Россия в XXI в.: официальное мнение, привлека-

тельное для людей сильных, предприимчивых и амбициозных, которое заключается в том, что мы, создаем демократическое, гражданское, правовое общество, или иначе – общество потребления; обывательская точка зрения, основанная не на теоретических выкладках, а на эмоциональных ощущениях, – ничего мы не строим; и реальная позиция. В заключение статьи дана характеристика сформировавшейся отечественной экономической модели, которая, по мнению автора, основана на гибридном советско-либеральном способе хозяйствования, губительном для государства и общества, и которую, безусловно, следует менять исходя не из интересов собственников, а из интересов народного хозяйства страны.

Ключевые слова: человек, общество, стабильность, материальное благополучие, безвременье, национальная экономика, советско-либеральный способ хозяйствования, интересы народного хозяйства страны.

Abstract. The author looks at the outcome of the social and economic reorganization conducted in Russia in the last two decades, analyzing the present situation, psychological atmosphere in society and personal feelings, which reflect, on the one hand, the growing prosperity, and on the other hand – life dissatisfaction, spiritual emptiness, loneliness, disability of life control. The three most widely spread answers to the question concerning the society type being built in Russia in the 21st century are given. The first one – the official opinion characteristic of the ambitious, empowered people – holds that we are building the democratic, civil and legal society or the consumer society; the second one – the common men's opinion, based on emotions rather than theoretical conclusions – holds that we are doing nothing at all; whereas the third opinion reflects the reality. In conclusion, the existing economic model is defined by the author as reflecting the soviet-liberal way of doing business, which, in his opinion, is rather dangerous both for the state and society, and therefore should be transformed in the interest of the national economy instead of the interest of big businesses.

Index terms: man, society, stability, prosperity, stagnation, national economy, soviet-liberal way of doing business, interests of national economy.

«И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели...»

М. Ю. Лермонтов

Знаменитая лермонтовская строка, взятая в качестве эпиграфа к этой статье, очень подходит, как нам кажется, для выражения психологической атмосферы, в которую погружена нынешняя Россия. В сущности, чего нам не хватает? Живем в относительном достатке, вольны куда угодно ехать и что угодно говорить, грозовые тучи (даже в прямом, но более в переносном смысле) обходят нас стороной, и такую «стабильность» власти нам сулят при «правильном» голосовании в марте, по крайней мере, до 2018, а повезет, так и до 2024 г. Наверно, за последние лет 200, а то и 300 лет в России никогда так хорошо не жили. Так ведь нет же,

«жизнь нас томит» – хотим перемен! Как там у Достоевского? Человек – существо о двух ногах, без перьев и неблагодарное?

Но все-таки думается, что дело не в неблагодарности, а в том, что качество нашей «стабильной» жизни в некоторых, причем весьма существенных, отношениях нас категорически не устраивает. Материальное благополучие? Его можно признать, если не оглядываться на соседа (богатого или нищего – без разницы), но без того оценивать собственный достаток психологически невозможно, и дело вовсе не в зависти... К тому ж все время чувствуется над головой дамоклов меч: то ли мировой кризис грянет, то ли доморощенный дефолт смоят, как филиппинское цунами, все наши хилые финансовые подпорки, а заодно опустошит полки супермаркетов – главный козырь реформаторов. А уж если, упаси бог, кончится газ в трубе или, что более вероятно, станет ненужным покупателям-европейцам, которые весьма успешно осваивают альтернативные источники энергии, тогда и вовсе случится экономическая катастрофа.

Но человек так устроен, что материальное благополучие для него не самое главное условие, чтобы чувствовать себя вполне человеком и испытывать удовлетворенность жизнью. Надвигающаяся духовная пустота, чувство одиночества в толпе, невозможность самому влиять на собственную судьбу («пир на празднике чужом») и постоянное ощущение, что для кого-то ты «быдло», определяют мироощущение отдельно взятого человека в гораздо большей степени, нежели содержимое его домашнего холодильника или кошелька. Конечно, всегда и везде были богатые и бедные, господа и холопы, хозяева жизни и бесправная «масса», но всегда людям помогало жить и терпеть предощущение грядущих перемен. А вот когда наступало безвременье... Кстати, что значит это слово? Оно значит, что время как бы остановилось, движение его не ощущается, и завтра будет то же, что было вчера и что есть сегодня. То есть безвременье – отсутствие надежды на какие бы то ни было перемены, пусть даже к худшему. Так было при Лермонтове, но нынешняя «стабильность» – тот же «ровный путь без цели», а для большинства населения страны еще и тот же «пир на празднике чужом». Отсюда многотысячные митинги последних месяцев, отсюда «раскачивание лодки» с риском утонуть всем вместе, отсюда безоглядное: пусть будь что будет, но только бы не стоячее болото.

Впрочем, перемены-то идут, это видно невооруженным глазом. Госдума сотнями обсуждает новые законопроекты, но чуть не каждый из них порождает у обывателя ощущение, что продолжается планомерное и неот-

вратимое наступление на его жизненные устои. Снова и снова перестраиваются механизмы управления экономикой, а что толку? Еще вот милицию переименовали в полицию, отменили зимнее время, сократили число часовых поясов. Одновременно происходит разрушение космической отрасли, падают ракеты и самолеты, тонут пассажирские судна. Строятся новые торгово-развлекательные центры, и сносятся архитектурные раритеты. Укрупняются вузы (как некогда колхозы – и, похоже, с тем же результатом), обюрокрачивается Академия наук; и уже как норма воспринимается, что самые талантливые молодые специалисты уезжают на Запад. Словом, мир стремительно меняется, вот только – в какую сторону? Управляемый это процесс или – куда кривая вывезет? Если управляемый, то кто им управляет и какие цели имеет в виду? Слушается ли руля архаичный и сильно поврежденный дредноут нашего общества? И какое будущее нас ожидает? Все эти вопросы более или менее органично укладываются в рамки общей проблемы: «Какое общество строит Россия в XXI веке?»

Если обобщить наиболее распространенные в обиходе ответы на этот вопрос, то явственно прорисовываются три основных версии (множество «мнений» являются, на наш взгляд, лишь их вариациями).

Первая версия явно просвечивает в предвыборных программах и публичных выступлениях политиков, пребывающих у власти и претендующих на сохранение своих полномочий после очередных выборов, а также их сторонников и вообще идеологов и фаворитов того политического и экономического устройства российского общества, которое образовалось в результате катаклизмов 90-х гг. и реконструктивных мер «нулевых». Хотя она и не закреплена в документах, имеющих юридическую силу, вполне правомерно, как нам кажется, назвать ее официальной. *Официальная версия* заключается в том, что мы, дескать, строим демократическое, гражданское, правовое общество. Другое название этой социально-экономической конструкции – общество потребления. Это как бы две стороны одной медали: демократическое общественное устройство – добровольный союз экономически самостоятельных и независимых друг от друга («никто никому не должен») людей. Раз они замкнуты на себе, значит, и цели у них вне себя нет, а цель для себя – потребление, показатель преуспевания – так называемое статусное потребление. «Социальные монады», ориентированные на потребление, – они уже, конечно, не «подданные», а «граждане»; служить государству им, выражаясь «изысканным» языком сегодняшней элиты, «запахло», это государство должно служить

им. Вот вам и все гражданское общество. Ну, а чтоб они не мешали друг другу в свободном экономическом и политическом парении, их поведение в социально значимых областях регулируется законом, перед которым они все равны (правда, некоторые из них фактически «равнее»).

Официальная версия отличается стройностью логических оснований, она и на самом деле привлекательна для людей сильных, предприимчивых, амбициозных, рискованных, предпочитающих не «прогибаться под изменчивый мир» – пусть лучше он прогнется под них. Но таких в обществе (не только нашем – любом) абсолютное меньшинство, где-то около 14%¹. Наверно, еще столько же и хотели бы быть такими же, да не могут. Остальные предпочитают стабильность, хотя бы и в ущерб качеству жизни, чем, собственно, объясняется широкая электоральная поддержка нынешнего неэффективного и эмоционально непривлекательного режима. Да это бы еще полбеда! Главный недостаток официальной версии заключается в том, что она постоянно декларируется, но практических шагов к ее реализации не замечено.

Вот почему мнение многих склоняется к другой версии, основанной не на идеологических постулатах, не на теоретических выкладках, а на чисто эмоциональном ощущении ситуации. Эту версию правомерно назвать *обывательской*. Суть ее проста: да никакое общество мы не строим! Латаем дыры, связываем гнилые концы, предпринимаем пожарные меры, чтоб не доводить до точки кипения общественное недовольство: власти широко рекламируют копейные прибавки к пенсиям и зарплатам бюджетников, с простодушным цинизмом обещают до выборов не поднимать цены (а после выборов – неизбежно, это и не скрывается). Обывательская версия в принципе неопровержима, как неопровержимо любое непосредственное ощущение: если мне холодно, вам не убедить меня, даже предъявив термометр, что на самом деле тепло. И благополучные цифры роста ВВП (то ли за счет повышения цен на экспортируемую нефть, то ли за счет перевода в статистических отчетах тонн и кубометров в рубли) не устраивают тревожного ожидания, что завтра жить будет трудней, чем сегодня.

Но так не бывает, чтобы перемены происходили, а результата вовсе не было. Поэтому существует еще и *реальная* версия. Она заключается в том, что мы ничего не строим – дрейфуем. От каких непредвиденных движений водных, воздушных, ледовых масс ни зависел бы дрейф не-

¹ См. об этом: Лукьянин В. П. Время суда. Хождение России в социализм и обратно. // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2011. № 3, ч. 2. С. 51.

управляемого судна, его все равно куда-то несет – хорошо, если к желанному берегу, а то ведь, возможно, что и на коварные рифы. Направление нашего социально-экономического дрейфа определяется рядом факторов, которые следует изучать и принимать в расчет, чтобы «стабильность» во власти стихии не обернулась катастрофой.

Есть такое понятие – «кухня погоды»; метеорологи говорят, что всепланетная «кухня погоды» – Мировой океан, а для России – Арктика. Такой «Арктикой», где зарождаются все потоки, завихрения и перепады социально-психологической атмосферы, является экономика. И дрейф, который неведь куда выведет нашу страну в XXI в., более всего зависит от сформировавшейся у нас экономической модели.

Когда конструкция этой модели только начинала складываться, «прорабы перестройки», предлагая те или иные радикальные решения, идущие вразрез с опытом советских десятилетий, успокаивали «электорат»: не пугайтесь, весь мир так живет! Но «прорабов» сменили реформаторы, вслед за ними пришли «стабилизаторы», выводя нас на торную дорожку мировой экономики, – и в результате получилось нечто уникальное. Можно сказать уверенно: так, как мы сегодня, не живет никто в мире. Ибо нынешняя российская экономическая модель явилась гибридом советской и либерально-рыночной моделей. Но это не «конвергенция», о которой мечтал А. Д. Сахаров, а симбиоз худших черт советской и худших же черт либерально-рыночной модели!

От советской модели переняли – нет, не план, так как советская экономика плановой никогда не была. Директивной – да, мобилизационной – да, но никак не плановой. План предполагает разумный баланс потребностей и возможностей. При разработке первого советского пятилетнего плана на необходимости именно такого баланса настаивал Н. И. Бухарин в знаменитой статье «Заметки экономиста», но его тут же «заклеймили»: якобы он пошел на поводу у буржуазных экономистов и не учел безграничной созидательной энергии освобожденных пролетарских масс. Природа этой таинственной энергии для исследователя представляет, думается, даже больший интерес, нежели пресловутые торсионные поля, поэтому обсуждать ее надо отдельно. Здесь же хочется сказать лишь о том, что признание реальности этого «ресурса» радикально изменило саму идею планирования: «плановые» директивы были нацелены теперь не на возможное, а на потребное. А каким образом и какой ценой будет обеспечен такой «план», «директивные» органы принципиально не интересовало. Ляг костями, да

сделай! Это надо написать в кавычках: «Ляг костями, да сделай!» Так может говорить всевластное начальство всецело зависящим от него подчиненным. То есть эта императивная формула имеет одно направление – сверху вниз. Вот почему директивная (вовсе не плановая!) советская экономика была жестко централизована и сама по себе работать не могла бы, но приводилась в движение с помощью властной «вертикали».

Именно централизацию и «вертикаль» переняла из советского опыта сегодняшняя российская экономическая модель, но в изуродованном виде. Нынче это выглядит следующим образом. Бюджет (сильно укороченный по сравнению с советским бюджетом) сосредотачивается в руках бюрократической верхушки, его «пилят», руководствуясь отнюдь не государственными интересами. Вниз падают крохи, которые опять-таки «пилят» сообразно своим интересам уже местные чиновники.

От либерально-рыночной же модели мы переняли полную – со стороны государства и общества – бесконтрольность экономической деятельности. Бизнесмен (VIP-персона!) вправе распорядиться своей собственностью, как ему заблагорассудится: продать, сломать, бросить на произвол судьбы, перепрофилировать или вовсе закрыть (если речь идет о предприятии)...

Гибридный советско-либеральный способ хозяйствования давно должен был привести страну к полному краху, но пока что выручают запасы нефти, газа и в какой-то мере иных природных ресурсов.

И еще он держится на апатии и широкой публики, и мыслящей части общества.

Особенно губительно, что все, кому следовало бы трезво осмыслять ситуацию, некритично воспринимают теоретические стереотипы.

В предшествующих работах и выступлениях автор статьи не раз писал и говорил, что понятие «собственник» отнюдь не однозначно понятию «хозяин». Наши реформаторы жульнически (не верится, чтобы они на самом деле не видели разницы) подменили понятие «хозяин» понятием «собственник», создали симулякр «эффективный собственник», пообещав при этом экономически не искусственным бывшим советским людям, что «приватизация» (на самом деле раздача жирных кусков общественного пирога тем, кто поближе и поухватистей) оживит «застойную» отечественную экономику. Но случилось именно то, чего изначально следовало ожидать: «эффективные собственники» советскую промышленность буквально разгромили; лишь немногие предприятия, представлявшие некоторый интерес для иностранных «инвесторов», продали, охотно посту-

пившись ролью хозяина, поскольку собственнические их интересы без лишних хлопот были удовлетворены дивидендами.

Убедительным подтверждением этим мыслям стало недавнее знакомство с книгой А. Н. Энгельгардта «Письма из деревни» (надо бы прочитывать хоть лет двадцать назад!). В данном сочинении, как ни в каком другом, внятно и доказательно, на основании не логических умозаключений, а огромного и глубоко осмысленного практического опыта показано, как собственники губят хозяйство. Нужен хозяин, а он встречается крайне редко, потому что, чтобы быть хозяином, надо очень многое знать и уметь, вдобавок иметь особый талант и любить свое дело. Книга А. Н. Энгельгардта была, говоря по-нынешнему, бестселлером в 80–90-е гг. XIX в., ее читал на языке оригинала К. Маркс, очень высоко ценил, много раз упоминал и дважды подробно анализировал в своих сочинениях В. И. Ленин. Почему же ее не удосужились прочитать реформаторы 1990-х? Может, ссыльный профессор химии, поневоле превратившийся в смоленского помещика, убедил бы их, что умных заграничных книжек вовсе не достаточно, чтобы наладить образцовое хозяйство на российских суглинках...

Вести хозяйство – совсем не то же самое, что прилагать верные на все случаи жизни схемы к любой конкретной ситуации. Хозяйство – это уравнение со множеством неизвестных; найти правильное хозяйственное решение – примерно то же, что поэту из десятков тысяч слов родного языка выбрать единственное, от которого нехитрая по житейской сути фраза раскроет неожиданную глубину и зазвучит, как песня. Возможно, вы сочтете эту аналогию слишком вольной, а нам здесь ничего иного и не требовалось, кроме как показать, что самые глубокие, тонкие и верные решения в любом деле не диктуются мертвой схемой, а рождаются изнутри ситуации.

Экономическая история России знала высокие взлеты, причем они случались не сами по себе – у них были идеологи и организаторы, главное отличие которых от нынешних реформаторов и «стабилизаторов» состоит в том, что они знали и любили Россию, чувствовали себя перед ней нравственно ответственными. И смысл своих усилий видели не в том, чтобы «создать инвестиционный климат» или «рабочие места», а в том, чтобы поднять отечественную промышленность и создать условия для полной реализации и приумножения «человеческого капитала» страны. Наша самая большая претензия к «спасителям России от большевизма» заключается в том, что, приступая к своей костоломной «терапии», они Россию не любили, не знали и не хотели знать. Им бы перелицевать ее на американский

манер. Иначе просто не объяснить, почему они не приняли во внимание экономических трудов Д. И. Менделеева, С. Ю. Витте, того же А. Н. Энгельгардта, не изучили опыт отечественного предпринимательства второй половины XIX в. (например, логику превращения крестьянского подростка П. И. Губонина в крупнейшего железнодорожного магната, в частности – строителя Уральской горнозаводской железной дороги), когда страна тяжким трудом преодолевала вековечную технологическую отсталость и становилась сильной промышленной державой.

Осмывая российский опыт, идеологи нынешней экономической политики столкнулись бы с проблемами, о которых сейчас будто и не догадываются. Почему, к примеру, те же Менделеев и Витте (называю их имена вместе, потому что они были единомышленниками и сподвижниками при осуществлении реальной экономической политики) говорили о «политической экономии», о «народном хозяйстве», а нынче эти понятия выброшены из обихода под предлогом, будто они из «большевистского» лексикона? Почему «продвинутые» наши экономисты везде и всюду представляют государство в виде чуть ли не главного врага отечественной экономики, тогда как у Менделеева и Витте государство и частное предпринимательство состоят (и в теории, и на деле) в очень плодотворном партнерстве при лидерстве государства? Способствует ли подъему слабой национальной экономики «фритредерство» (свободный рынок)? Ведь рынок – не место для демонстрации альтруизма; туда приходят затем, чтоб победить конкурента и за его счет получить максимальную выгоду для себя. Слабая экономика на рынке не может противостоять сильной, ей нужно помогать, создавая условия для ее роста. Поэтому Менделеев и Витте настойчиво проводили мысль о необходимости «покровительственной» экономической политики государства, которая есть не что иное, как неприемлемый для ВТО протекционизм. В таком случае, какую и для кого выгоду имеют в виду руководители нашей нынешней экономики и государства, столь настойчиво проталкивающие страну в ВТО и отдающие тем самым национальную экономику на растерзание гегемонам свободного рынка?

Это лишь некоторые вопросы из многих, которые России нужно заново решать для себя, исходя из наших возможностей и интересов не финансовых спекулянтов, не мировых лидеров продаж газировки, а именно из интересов народного хозяйства страны. Если мы не сумеем их решить, тогда «толпой угрюмою и скоро позабытой над миром мы пройдем без шума и следа...»